

Ну что ж, из-за такого пустяка пришлось вызывать саму императрицу.

Бабушка Шао улыбалась, но в ее улыбке не было тепла:

— Ну что, утром был занят, много дел? Расскажи, чем ты занимался?

Шао Ицянь стоял смиренно, невинно соврав:

— Живот болел, пошел в туалет, но не доложил.

Бабушка Шао резко хлопнула по столу:

— И всё?

Шао Ицянь отступил назад, нехотя подошел к учителю и пробурчал:

— Учитель, я виноват, не должен был прыгать в окно и не предупредил.

Директор:

— Ладно, он извинился, давайте забудем...

— За всю мою жизнь никто не смел так со мной обращаться! Я согласилась работать в вашей деревне, это вам честь! Я оставила город и приехала сюда, какая глупость! Директор, я уезжаю, отвезите меня на вокзал, я не могу больше здесь находиться. Нет нормального душа, еда — из общей кухни, в каком веке мы живем, звонки на уроки и с уроков — ручные, продукты только на базаре, а на улице кричат какие-то деревенщины. В общежитии даже сигнал телефона не ловит. А эти ученики — один хуже другого! Никаких базовых знаний, уроки — как разговор с самим собой! За что мне такое наказание — терпеть таких людей!

Директор замолчал, его лицо покраснело, а взгляд отвел в сторону — она говорила правду.

В деревенской школе уровень учеников был низким. Он мог решить проблему с учебниками, но не с учителями. Ни высокой зарплаты, ни условий — все держалось на доброте и сострадании тех, у кого не было даже диплома. Проще говоря, он выпрашивал эту доброту.

Бабушка Шао бросила взгляд на эту иностранку:

— Эти слова...

— Не лезьте! Кому вы нужны! Не воображайте о себе! Посмотрите в зеркало, оцените свои масштабы! Просто потому, что вы знаете какой-то язык, вы думаете, что вы важны! Если бы мы все знали, зачем вы нам нужны!

Двое взрослых не разозлились, но Шао Ицянь, маленький мальчишка, вспыхнул. Его голос был громким, и вскоре у окна собралась толпа детей, а дверь была плотно забита.

Бабушка Шао чуть не взорвалась от гнева, ее ноги, согнутые в форме буквы «О», готовы были ударить — хотя она считала, что Шао Ицянь был абсолютно прав — и она пнула его так, что он упал на пол:

— Когда говорят взрослые, дети не лезут! Я тебя так учила?!

Учительница тоже была шокирована, но, собравшись с мыслями, закричала еще громче, почти

переходя на истерику.

Шао Ицяннь ненавидел, когда кто-то плачет, особенно женщины. Хотя он мало общался с ними, с детства его учили, что плачущих детей нужно бить сильнее — если только они не родные.

Бабушка Шао была жесткой женщиной, никогда не сдавалась. Мама Шао, хоть и не такая сильная, была капитаном в оркестре. Эти две женщины в его памяти всегда были твердыми. Услышав, как эта женщина продолжает ныть из-за пустяка, он почувствовал, как в нем закипает злость. Он, лежа на полу, резко крутанулся на бедре и подсек противника ногой, опрокинув подставку для умывальника.

Металлический таз с водой упал сверху, залив простыни и одеяла, создавая впечатление огромной лужи после ночного недержания.

Рядом опрокинулся термос, и из трещин вылилась горячая вода.

Даже этого ему было мало. Он вскочил на большой письменный стол и, указывая на учительницу, произнес по слогам:

— Называешь нас деревенщинами, ты, твою мать, кто такая?!

Учительница была ошарашена, застыв на месте.

Директор рассердился:

— Исключение! Бабушка, не обижайтесь, но посмотрите, кто еще из детей ведет себя так, как ваш. У меня уже целая куча жалоб на него.

Эти слова только подлили масла в огонь. Шао Ицяннь набросился на директора, схватил бабушку и потащил за собой:

— Я — это я, а бабушка — это бабушка! Не трогайте мою семью! Бабушка, пошли, исключают так исключают, мне только на руку!

Ну что ж, он был самым младшим в комнате, самым активным и самым наглым, словно мог свернуть горы.

Бабушке Шао, уже пожилой, с повышенным давлением, стало плохо от резкого подъема. Перед глазами потемнело, и она еле перевела дух. В это мгновение ее охватили мысли: что будет с этим ребенком? Сколько она еще сможет за ним присматривать? Кто будет его направлять, когда ее не станет? Соблазнов на пути взросления так много, кто удержит его от ошибок?

Когда она пришла в себя, она увидела гнев в глазах Шао Ицяння.

Если человек злится на мир, значит, у него есть желания; если есть желания, он не остановится.

И она вдруг почувствовала облегчение, поняв, что лучшим учителем для Шао Ицяння, возможно, станет сама жизнь.

Она шлепнула его по затылку:

— Ну, вырос, да? Не знаешь, что правильно, а что нет? Только дома герой. Посмотри на Чэнь Мэна, а потом на себя. Что с тебя взять, если мы будем ждать от тебя помощи, то останемся

без хлеба!

Старушка разозлилась, и началась потасовка. Бабушка и внук устроили в кабинете настоящий цирк, и все вокруг только смотрели, не зная, как остановить это позорище.

Шао Ицянью был упрямым, и чем больше его били, тем больше он сопротивлялся. Бабушка била его, а он, не имея возможности ответить, сжимал кулаки и бил ими по полу, крича:

— Почему нельзя на меня рассчитывать?! Если у меня будет лепешка, у вас будет хлеб! Почему нельзя на меня рассчитывать?!

Бабушка резко остановилась. Она холодно взяла Шао Ицянью за шею и, подняв его, сказала директору:

— Решайте сами.

Директор оказался в сложной ситуации. Проступок Шао Ицянью не заслуживал исключения, максимум — воспитательную беседу. Но проблема была в учительнице: если она уйдет, кто ее заменит?

Он посмотрел на учительницу и предложил:

— Может, оставим его на испытательный срок?

Молодая учительница, видимо, впервые столкнулась с таким поведением в деревне. Она понимала, что не сможет справиться с таким ребенком, и подумала, что лучше оставить его на второй год.

Но эти слова так и не были произнесены. В центре комнаты стояла пожилая женщина с седыми висками, волосы аккуратно заколоты за ушами, а морщины вокруг глаз придавали ей строгость. Ее взгляд был прямым и честным.

Но в глубине этого взгляда была едва уловимая просьба.

— Ради вас, пусть будет так, как сказал директор, — наконец согласилась она.

Бабушка Шао подтолкнула Шао Ицянью:

— Скажи.

Шао Ицянью фыркнул, отвернувшись, и неохотно пробормотал:

— Спасибо, учитель.

Вернувшись домой, бабушка и внук начали дуться друг на друга, и это затронуло всю семью.

Мама Шао, проработав весь день в оркестре, вернулась домой без готового сока из кислых груш; папа Шао, вернувшись с рейса, был голоден, а в кастрюле не было даже крошки; дедушка Шао, вернувшись с мельницы, хотел покурить трубку, но не мог найти дров.

Вся семья была в унынии, и когда «министр тыла» разозлился, их образ жизни вернулся к феодальному принципу самообеспечения.

Пес, понимающий человеческую природу, наблюдал через глазок за глупыми двуногими, над

которыми нависла тяжелая атмосфера. Он подумал, что в ближайшее время придется затянуть пояс, и стал вспоминать, куда спрятал полхвоста свиньи, которую ему подарил Янь Янь. В этот момент малыш вернулся домой, напевая детскую песенку.

<http://bllate.org/book/16843/1549605>